

«Цивилизация» как симптом

Гурко С. Л.,

н. с. сектора философских проблем социальных и гуманитарных наук
Института философии РАН,
г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1,
sgourko@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается вопрос об уместности употребления термина «цивилизация» в историческом сочинении. Показано, что внутренняя противоречивость этого термина делает его недостаточно нейтральным для истории-как-науки, но, вероятно, могущим служить симптомом определённых обстоятельств истории-как-процесса.

Ключевые слова: история, культура, необходимость, случайность, исторический нарратив, форманта.

Меня милый спрашивал:

— Милка, цэ или не цэ?

Если цэ, пойдём у баню,

А не цэ, так на крыльце...

Старая частушка

*— У вас цивилизация общая или
отдельная?*

— У нас цивилизация во дворе.

Современный анекдот

Термин «цивилизация», вошедший в обиход с середины XVIII века, наследовал глагольному употреблению этого корня, означавшему как действие по просвещению или улучшению нравов, так и (в сугубо юридическом смысле) перевод дела из уголовного в гражданское производство. Обозначавший первоначально необходимую стадию развития общества, он стал в XIX веке употребляться для описания «локальных цивилизаций», возможно, именно потому, что описание инокультурных обществ как нецивилизованных было бы крайне неубедительным в отношении старых богатых культур, таких как китайская. И сегодня мы привычно используем конструкции вроде «минойская цивилизация» или «цивилизация Древнего Египта». Вместе с тем для множества отдельных отличимых друг от друга способов существования древних обществ сохраняется термин «культура»: «культура ленточной керамики» или «курганная культура». При этом с некоторыми археологическими *культурами* связаны столь многочисленные и сложно организованные артефакты, как, например, система устойчиво повторяющихся знаков в культуре Винча, которые трудно объяснить иначе, чем как свидетельство наличия системы протописьменности и счёта, что проведение границы между «неолитическими культурами» и «древними цивилизациями» выглядит произволом. Не удивительно, что археологи, реконструируя состояния и способ суще-

ствования древних сообществ, позволяют себе называть их «цивилизациями». Так Мария Гимбутас решительно пишет о Старой Европе как о цивилизации¹.

Этимология слова «цивилизация» нам также мало поможет: с одной стороны, связь со значением «гражданин» предполагает наличие государства, принадлежность к которому определяет цивилизованность, но с другой стороны, развитость технологий как материального, так и символического производства, временные и пространственные масштабы устойчивых форм общественной жизни не коррелируют с успехами государственного строительства. Число жителей первоначального Урука, с которого начинается история Шумерской *цивилизации*, обыкновенно оценивается в 6000 человек, количество домов в *поселении* Чатал-Хююк, которое старше Урука примерно на 3000 лет, уже оценивается в 2000, а раскопана пока лишь малая часть этого археологического объекта.

Вместе с тем не следует упускать из виду и первоначальное употребление слова «цивилизация» исключительно в единственном числе, когда цивилизованная стадия развития общества противопоставлялась предположительно предшествующей стадии варварства. Среди современных исследователей есть сторонники Мир-системного подхода, которые, указывая на связи между отдельными социальными конструкциями, такими, например, как обширные древние империи, настаивают на рассмотрении такой системы взаимодействующих субъектов как единого целого. В таком случае именно это активное ядро мировой системы уместно считать носителем цивилизационного начала, рассматривая окружение как пассивную, не вовлечённую в исторический процесс среду.

При таком подходе история как процесс представляется чередой шагов по *культурированию цивилизованности*. Роль настойчивых землеустроителей, насаждающих ростки цивилизации, а затем усердно оберегающих их от опасностей неблагоустроенного варварского окружения, переходит от одного исторического субъекта к другому, но актуальные действующие обыкновенно заявляют о преемственности своих усилий по отношению к деяниям предшественников, исправлении их ошибок и превосходении их ограниченного понимания. Противоположные притязания, то есть заявка на построение чего-то небывалого, начинания с чистого листа, хотя и случаются в переломные революционные моменты (революционеры, стоящие этого названия, как правило, даже календарь не упускают переменить, а то и учредить новое летоисчисление), однако в недалёкой исторической перспективе обнаруживается, что присвоение символических ценностей прошлого — дело несравнимо более простое и результативное, чем построение мира наново. Скажем, от «сбрасывания Пушкина с корабля современности» до канонизации «нашего всего» проходит не так много времени. И для адаптации мифа к требованиям идеологии оказывается достаточно акцентировать внимание на «вольнлюбивых стихах», да несколько преувеличить значимость Арины Родионовны как агента связи с «народом». А там уже недалеко и до учреждения воинских наград с именами знаменитых полководцев, подвизавшихся при «проклятом царском режиме» и уж точно не осенённых «пролетарским происхождением».

Но дело не только в том, что историю можно представить как *процесс* культивирования цивилизованности. Саму цивилизацию при любом понимании этого термина можно рассматривать как процесс — *процесс* оцивизовывания. Рассматривать же культуру как нечто

¹ 1973: Old Europe c. 7000–3500 BC: The Earliest European Civilization Before the Infiltration of the Indo-European Peoples, *Journal of Indo-European Studies (JIES)* 1 (1973): 1–21.

ставшее, а не процесс окультуривания тем более неразумно. А ещё мы все помним, что история — это рассказ (а во всяком рассказе есть *процесс*, хотя бы — развитие сюжета).

Для исторического нарратива или, говоря аккуратнее, для исторической речи свойственны своеобразные структурные элементы, ритмически или темпорально характеризующиеся, которые по аналогии уместно называть формантами. Скажем, событие описывается в терминах «нашествие» и «отпор», если происходит в пределах жизни поколения. Завоевание арабами Андалусии не является элементом героического эпоса европейцев, в отличие от Реконкисты. Если бы оккупация Франции Третьим рейхом продлилась хотя бы лет 150 и завершилась в результате драматического «освобождения от ига», роль Петена описывалась бы иначе, примерно как роль Александра Невского в отечественной истории. И наоборот, если бы в середине XIII века монголы были отброшены в свои степи объединёнными усилиями европейцев в ходе войны, продолжавшейся лет десять, судьба Александра Ярославовича могла закончиться позорно. Различение случайного и необходимого не доступно нам непосредственно. Поэтому, следуя своим склонностям, мы подозреваем случайное в кратком и необходимом — в длительном. Смириться же мы с тем, что с точки зрения современной физики в микромире бесчинствует случайность, одетая, впрочем, в униформу вероятности, чтобы наше науколюбие не слишком страдало. Но на макроуровне мы предпочли бы видеть надёжные законы в красивой математической формулировке, а статистические закономерности и эмпирически найденные коэффициенты готовы терпеть где-то в лимбе благородной науки, на границе с инженерией. В этом смысле придать желательный вид закономерностям исторического процесса не удаётся, а смириться и исследовать историю как стохастический процесс мы не желаем. «Цивилизация» в облики необходимой целевой причины развития общества или в образе уникальных целостных образований, проходящих, подобно биологическим объектам, фазы жизни от зарождения до упадка и гибели, выступает как термин макроуровня, позволяющий отстраниться от мельтешения микроисторических событий и сформулировать удобопонятные законы. Вот только предсказательную силу подобных формул в отношении реальных перипетий исторического процесса до сих убедительно продемонстрировать никому не удавалось.

Но истории как науке проще брать феномены культуры в качестве вех или симптомов, чем плохоопределимые «приметы цивилизованности». Ведь цивилизованность всегда специфична, и общих правил отбора признаков цивилизованности нет. Либо мы признаём за любым набором «варварских обычаев» право претендовать на звание «особой цивилизации», коль скоро соответствующее сообщество оказывается в состоянии противостоять внешним попыткам его «цивиловать», либо мы с необходимостью будем отстаивать тезис о единстве цивилизации и единственности набора признаков цивилизованности. То есть понятие «цивилизация» *либо размывается* и становится ненужным при наличии понятия «культура», *либо лишается динамики*. Это обычное свойство идеальных конструкторов. Достаточно вспомнить в качестве классического примера парменидово бытие, говоря о котором, приходится ради признания подлинности предмета говорения постулировать его неизменность. Лет двести назад ещё можно было предполагать ясными признаками цивилизованности склонность носить штаны и отсутствие человечины в меню. Однако последующие события показали, что ни мода, ни диететика не являются надёжными показателями.

Таким образом, придётся принять, что понятие «цивилизация» куда менее эмпирично, чем понятие «культура», а значит, хуже согласуется с понятием «история», для которого, перефразируя ещё одного русского поэта, попытка оторвать его от эмпирии грозит риском «свернуть себе шею». Одним из признаков идеальной конструкции, в отличие от эмпирической, является топологическая неопределённость. Топологии цивилизации построить нельзя: у цивилизации нет «внутреннего». Цивилизация задаётся указанием на «не цивилизацию», поэтому любая группа, самоопределяющаяся в терминах цивилизованности, тяготеет к тому, чтобы отделять собственную периферию в качестве «не цивилизации», стягиваясь в пределе в безразмерную точку. Вне города живут деревенские дикари, варварской провинции противостоит цивилизованная столица, да и в самой столице цивилизованное Бульварное кольцо силится отстраниться от дикости спальных районов. И вообще, как заметил всё тот же первейший *русский* поэт, «...le gouvernement est encore le seul Européen de la Russie...» [Пушкин А. С., 1959–1962, с. 362]. Возможно, положение дел с «цивилизованностью» даже более печально: цивилизация вообще должна полагаться воображаемым объектом, утопией, отчего и присваивать её приходится, прибегая к чужим символам, например к иностранному языку.

И ещё один показательный момент. В исторических сочинениях термин «цивилизация» систематически появляется в дискурсе «конца истории». Но при попытке описать историю как целостный процесс, имеющий не только статистические закономерности, основывающиеся на положениях популяционной динамики или зоопсихологии, но и Смысл или Цель, историческое сочинение неизбежно становится метафизичным (будь ты хоть Фукуямой, хоть Гегелем).

Впрочем, отрицание смысла или цели истории не порождает непреодолимых трудностей. История как процесс ведь не прекращается. Как сказано в одной известной книге, «никогда так не было, чтобы никак не было». Поэтому за Историю как мировой процесс беспокоиться не приходится, она продолжится вне зависимости от того, в каком смысле будет разрешён вопрос о соотношении терминов «культура» и «цивилизация». Другое дело история как наука. Всяческие цивилизации регулярно пытаются поверстать Клио в военную службу, обыкновенно по ведомству пропаганды. И именно поэтому представляется, что на вопрос «Цивилизация и культура, кто больше, мать её, истории ценен?» можно дать предварительный ответ.

Пока история (как наука) работает с культурой, она более-менее здорова, а как начинает заговариваться насчёт цивилизации — зовите доктора. А в роли доктора (ну или, на худой конец, повивальной бабки) выступают известно какие не боящиеся крови сущности. И приходят они, что особенно неприятно, не только к истории как науке, но и прямо в исторический процесс. Так что использование слов «история», «культура» и «цивилизация» в разных сочетаниях и с разной частотой может оказаться значимым симптомом. Как говорится, будьте бдительны.

Литература

1. Gimbutas M. Old Europe c. 7000–3500 BC: The Earliest European Civilization Before the Infiltration of the Indo-European Peoples // *Journal of Indo-European Studies* (JIES) 1 (1973).
2. Пушкин А. С. Письма 1831–1837. Т. 10. // Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах. — М.: ГИХЛ, 1959–1962.

References

1. Gimbutas M. Old Europe c. 7000–3500 BC: The Earliest European Civilization Before the Infiltration of the Indo-European Peoples // [Journal of Indo-European Studies](#) (JIES) 1 (1973).
2. Pushkin A. “Pis'ma 1831–1837. T. 10.” [Letters 1831–1837. Vol. 10.], in: A. Pushkin, *Sobranie sochinenij v 10 tomah* [Collected works in 10 vol.]. Moscow: GIHL, 1959–1962. (In Russian.)

“Civilization” as a symptom

Gurko S.,

Researcher, Department of Philosophical problems of social sciences and humanities
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Moscow,
Gonchanaya str. 12, bld. 1,
sgourko@gmail.com

Abstract: The article deals with the question of the appropriateness of using the term “civilization” in a historical work. It is shown that the internal inconsistency of this term makes it insufficiently neutral for history-as-science, but, probably, it can serve as a symptom of certain circumstances of history-as-process.

Keywords: history, culture, necessity, contingency, historical narrative, formant.